

То, что дядя Саша, мамин двоюродный брат, живёт в Москве и работает на телевидении, я знала с малых лет. Мама мне всегда это гордо повторяла, но почему-то общаться с дядей Сашей не хотела. Работал он на телевидении сценаристом. Ну, как я понимаю, придумывал разные там программы и писал сценарии телепередач. Таким образом, последний раз в жизни я видела его, когда мне было года четыре, то есть десять лет назад.

Помню, пришёл он неожиданно к бабушке. Было воскресенье, и мы с мамой как раз в тот день её навещали. Бабушка дверь открыла, ахнула: «Сашенька, сколько лет, сколько зим!» Вошёл такой высокий, улыбающийся дяденька. Меня за стол со взрослыми не сажали, поэтому, когда они втроём (бабушка, мама и дядя Саша) о чём-то беседовали за чаем, я смотрела мультики. Потом он попрощался и ушёл. Больше мы не виделись. Я знала от мамы, что у него была тяжёлая судьба. Он в раннем возрасте остался сиротой и попал в детский дом. Потом вырос, поехал в Москву, выучился и вот, пожалуйста, — на телевидении.

Мне, честно сказать, хотелось «повыбравать» — сказать всем одноклассникам, которые были со мной в контрах: «А вы знаете, что у меня дядя на телевидении работает?!» Но, к сожалению, выделываться я не умела и никому ничего такого не говорила.

Классная руководительница повела нас в прошлом году в детский дом, чтобы мы поздравили детишек с новогодними праздниками. Это она нас для «профилактики» повела — чтобы мы не бросили своих детей, когда они у нас появятся. А то разное бывает, знаете ли. Вот там я вспомнила про дядю Сашу. Вообще-то, я о нём никогда не забывала. Всегда ведь в голове зудело: «У тебя дядя на телевидении работает — ты не такая, как все». И вот после посещения детского дома я решила, что уже совершенно точно найду дядю Сашу. Только опять смелости не хватило ему позвонить. Мне казалось, что вот позвоню, голос молоденький — не поверят, что я племянница. Племянница, конечно, лучше, чем неожиданно возникшая дочь, менее травматично для его родственников — жены, например. Но чего-то мне было страшно звонить. Внезапно

Ирина ГОНЧАРОВА
г. Москва

повесть

для себя я решила не звонить, а просто взять и приехать.

Под Новый год у меня созрел план. А почему бы не повидаться с дядей? Хлоп — как снег на голову свалиться: «Здрасьте, дядя Саша! Я племянница ваша!» А что, в Москве я никогда не была, хотя живу в каких-то двухстах километрах от столицы. Села на автобус и поехала. Или на электричку. Но всё же недосуг было. А тут прямо рвётся душа к дяде, и всё.

Возможно, дело было в разводе. Родители разошлись по документам, но не разъехались по отдельным квартирам. Делили имущество и детей, то есть нас с братом. Жили пока вместе и доставали друг друга каждый день. Жалко было брата, ему только десять лет. Никуда этого хомячка не деть от разборок. Он такой славный, такой пухлый! Эх, братик, что поделать, досталась нам такая доля. Брат Женька был милым, совсем не таким, как нынешние дети. Добрый, заботливый... Вообще, родителям с нами повезло — мы оба сознательные дети. Не бедокурим, учимся хорошо, помогаем по хозяйству. Многого не требуем. Эх, только вот всё равно родители разойтись решили...

Но в Москву на Новый год я поеду совершенно точно. Родителям сейчас всё равно не до меня, а брата, скорее всего, отвезут на каникулы к бабушке — подальше от скандалов и дележа.

Как дядя выглядит, я, конечно, за столько лет подзабыла. Но мы же современные люди! Загуглила фамилию и имя — и вот вам, пожалуйста, куча его фото, даже видео с ним. Дядю приглашали в одну известную передачу. Вот и хорошо, посмотрю на него. Надо сказать, он почти не изменился. Даже не облысел. Очень пышная шевелюра, и выглядит неплохо. Значит, не пьёт. А то мама говорила, что он раньше грешил этим делом. Его адрес и телефон были у мамы в записной книжке. Только живёт ли он до сих пор там? Эх, была не была! Если по адресу не найду, поеду прямо на телевидение, там и спросу.

В предновогодний день, как раз тридцатого декабря, я собрала небольшую дорожную сумку с самым необходимым и заявила маме:

- Мам, я — в Москву на Новый год.
- С кем? — спросила мама.
- Одна, — честно ответила я.

Мама подозрительно посмотрела:

— Точно одна?

— А с кем? — почти крикнула я в ответ — не люблю, когда мне не верят.

— А что ты там будешь делать?

— Я — к дяде Саше.

— С чего вдруг? — удивилась мама.

— Ну так... родня же.

— Ладно, привет передавай.

Мама сунула мне в карман денег, хотя я не просила — сама сэкономила на всём почти год. Так, на всякий случай.

Эх, взгляд у мамы отстранённый. Раньше она такой не была. А теперь стала, с одной стороны, активной такой — на работе с утра до ночи, а с другой стороны, кажется, что ей не до нас с братом. Решает какие-то свои психологические проблемы. Я надеюсь, что всё утрясётся. Что они с папой поиграют в развод и передумают расставаться. Очень надеюсь. Я ведь их обоих люблю!

Воспитанные люди, конечно, сначала звонят, а потом приезжают в гости. Но звонить я боялась, просто подумала, что вот так, живём, смогу лучше объяснить, кто я такая. Ну не выгонит же ради праздника, в конце концов, на улицу.

Если честно, я дядей Сашей по-настоящему восхищаюсь. Это ведь не каждый детдомовец вот так человеком становится, да ещё каким! Молодец дядя! Как он там? Вообще, конечно, мало кому интересно, кто такие эти сценаристы на телевидении. Мы привыкли любоваться тем, кто в кадре. А тот, кто за кадром, благодаря которому мы видим, что в кадре, нам не важен. Несправедливо. На самом деле, на того, кто в кадре, куча всяких людей работает. Да, я в одной книжке читала, как это всё устроено. Есть тот, кто придумывает образ, есть тот, кто пишет сценарий, есть тот, кто массовку собирает, если это ток-шоу какое-нибудь. Ну и операторы, режиссёры, монтажёры — в общем, всё не так-то просто. И вот мой дядя один из этой большой телекоманды. Ух, здорово!

О новогоднем подарке я почему-то совершенно не подумала. Мне показалось, что мой приезд сам по себе подарок. Разве нет? Увидеть через столько лет свою племянницу — чем не подарок? Тем более что подарок сам к тебе при-

ехал. Дерзко, конечно, не в моём стиле, но зато в современных традициях.

И вот я стою перед его подъездом. Вроде всё чётко по адресу. Долго, правда, в метро петляла, не сразу поняла, в какую сторону поезд едет. Ехала даже в обратную сторону... Ха, это, кажется, топографический кретинизм называется. Я и на земле плохо ориентируюсь, а под землёй — подавно. Прости, столица!

Ну ничего, главное, что добралась. Сверяюсь с бумажкой в десятый раз — всё точно: тот дом, тот подъезд, а пальцы отчего-то трясутся — не могу набрать квартиру на домофоне.

— Девушка, вам зайти нужно? — слышу за спиной мужской голос.

Поворачиваюсь и... замираю.

— Нужно, — выйдя из минутной комы, произнесла я.

— К кому?

— К вам! — я начала хохотать как дурочка. Ну, правда, смешно! Стою, трясусь, не могу нажать на кнопки, а тут родной дядя подходит и спрашивает, куда, мол, надо.

Он улыбнулся:

— Ну да, смешно. А вы кто?

— А я ваша племянница!

И тут мне почему-то стало ещё смешней! Нет, ребята, это просто нервное на фоне родительского развода. Я просто переживала очень долго и очень сильно, и вот сейчас меня так развезло.

— Племянница... — задумчиво проговорил он, видимо, вспоминая, с какого боку я могла бы быть его племянницей.

— А-а, Галкина дочка! Только я забыл, как тебя зовут.

— Марина, — и я, как культурный человек, протянула руку.

— Очень приятно. Александр Михалыч! — он ответил на рукопожатие. — Ну что ж, давай пройдем в гости!

Мы поднимались на лифте на седьмой этаж. Я старалась не смеяться, это было уже совсем неприлично, хотя очень хотелось. У меня вообще такая придурь: долго могу смеяться над чем-нибудь и сил нет остановиться.

— Ну как вы поживаете? — спросил ещё в лифте дядя Саша.

— В принципе, нормально, — ответила я заготовленную «полуправду». Зачем так сразу с по-

рога рассказывать о том, что всё у нас ненормально, и уже довольно давно.

— Это замечательно, — сказал он. — Мама всё там же работает?

— Да. Фанат своей профессии.

Мама у меня офис-менеджер. Действительно, настоящий фанат своего дела. Вот, кажется, что интересного в том, чтобы отвечать на телефонные звонки и принимать факсы, печатать деловые письма и отправлять их адресатам? А ей нравится. Кроме этого, она помнит всех в лицо на предприятии. Память фантастическая!

— А папа как? — опять спросил дядя Саша.

— И папа — ничего, — надо выкруливать со скорбной темы. — Женька в третьем классе, — сообщила я радостно.

— Ого! У вас ещё Женька есть! — удивился он. — Когда мы виделись в последний раз, никакого Женьки не было.

— Да, он появился десять лет назад. Классный парень! Хомячок!

— А-а, в маму, значит, — угадал дядя Саша. — А чего ты без него приехала?

— А он ещё маленький, рано ему Москву смотреть. Его к бабушке на каникулы отправляют.

Мы вошли в его квартиру. Да, что ни говори, а у людей творческих профессий квартира тоже «творческая». Везде по стенам какие-то фото, коллажи, вырезки из газет... Жуть как творчески!

— Я тоже... веду блог, — ни к селу ни к городу выпалила я. — Наверно, в тебя пошла!

— Ну да, нашу породу узнаю! — отозвался он, и мы рассмеялись.

— Я даже в школьном конкурсе эссе победила однажды. А ещё один раз почти победила в городском конкурсе. Ну, мне пары голосов не хватило, я оказалась на втором месте, — начала я хвастаться. — В общем, тоже пишу, размышляю о жизни.

— Здорово! А что же ты пишешь? — поинтересовался он.

Мы уже к тому времени ели пельмени ручной работы. Ручной — то есть дяди Сашиной. Очень здоровские! Мужчины — самые лучшие повара, я в этом в очередной раз убедилась. Мой папа тоже готовит, даже Женьку пытался приучить. Женька умеет салаты делать и блины печь. Готов ребёнок ко взрослой жизни, одним словом.

– А всё пишу! В блоге про жизнь размышляю, про всякие ситуации житейские. Многие ведь думают, что у современных подростков нет мозгов, а я вот стараюсь всячески переубедить в этом своих читателей.

– Неплохо, – сказал он, и я почувствовала, что это не просто вежливое любопытство: мы говорим ну почти на равных.

– Ты мне покажи потом, что ты пишешь, – предложил он.

– Хорошо, с удовольствием. У меня всегда много «лайков», куча репостов. Часто вижу подписи типа: «Вот это мудрая мысль!», «Вот как точно сказано!» А одна пожилая тётенька мне как-то комплимент сделала – тот самый, на который я напрашивалась. Она написала: «Теперь я верю в будущее нашей страны, потому что убедилась, что не вся молодёжь скурилась и спилась», – прорвалось-таки моё самохвальство.

Дядя улыбнулся:

– Это хорошо. Это уже признание.

– Дядя Саша, ты прости, я тут как снег на голову, – мне вдруг стало как-то неловко от осознания своего «дерзкого» поступка. – У тебя ведь, наверно, планы есть на Новый год...

– Да особых планов нет, – неопределённо сказал он. – Вот жду чуда... Наверное, оно уже настало.

– И в чём же оно?

– Ты приехала.

– Так это разве чудо? Села на электричку и приехала. Какое тут чудо?

– Ну, иногда ноги, знаешь, не поднимаются в электричку сесть. Не хочется куда-то ехать...

Мы помолчали.

– У тебя наверно работа завтра? – спросила я.

– Да так... на пару-тройку часов. Хочешь, поедем вместе?

– На телевидение?

– Ну да.

– Конечно, хочу!

Мы встали рано утром – это чтобы без пробок добраться до телецентра. Он скромняга, мой дядя. Его, оказывается, пригласили для интервью на передачу – рассказать о фильме, для которого он написал сценарий. Я и не знала, что он ещё и для фильмов сценарии пишет. Надо же, ничего не сказал: так, работа «на па-

ру-тройку часов». Студия, в которой снимали передачу, оказала на меня просто завораживающий эффект. Хотя ничего там такого не было: голые стены, камеры везде, провода и софиты – как от них не слепнут, просто удивляешься. Да и жарко от этих ламп. В общем, вроде ничего особенного, но всё равно чувствуется, что ты как на грани двух миров: по ту сторону камеры и по эту. Тётенька, известная, между прочим, у него интервью брала, да вы её тоже все знаете, каждый вечер по телевизору видите.

У дяди своя машина, и он предложил покататься по праздничной Москве после интервью. Да, «сердце России», особенно самый центр столицы, на Новый год просто чарует взор – высокопарно, но в данном случае я других слов не нахожу. Чего тут только нет: и это всё блестит и огнями переливается! В общем, не город, а сплошной праздник. Как-то все печали забываются от этого блеска. Мы погуляли по Красной площади. Там как раз готовили сцену для новогоднего концерта недалеко от храма Василия Блаженного. Потом шли мимо каруселей, установленных специально для новогодних праздников... Очень хотелось на этих игрушечных лошадках покататься, но я не решилась – взрослая ведь уже. Ещё там был каток, дядю разорять постеснялась, хотя он настаивал, поэтому мы просто попили на морозе горячего эспрессо. Жуть как вкусно: кофе на морозе! Ну, поселфились, конечно, на мосту через Москва-реку на фоне кремлёвской стены – короче, вели себя как обычные провинциалы, раньше никогда Кремля и Красной площади не видавшие.

Дядя мой простой. Совершенно не заносчивый, хотя и телевизионщик. Это правильно. Чего возноситься над другими? Вдруг придёт время упасть, и будет больно.

Мы вернулись домой.

– С кем ты будешь встречать Новый год? Прости за вопрос, – мне вдруг пришло в голову спросить.

– Нормальный вопрос. С тобой. Сначала я думал, что в одиночестве. А теперь рад, что буду не один.

– А твоя семья, дети?

– Я бы очень хотел, чтобы со мной была семья... дети. Но жена ушла от меня недавно и

забрала двух наших малышей. Она правильно поступила — я уделял им слишком мало внимания. Знаешь, моя работа, конечно, очень интересная, но она забирает человека целиком и родным уже почти ничего не остаётся.

Мы помолчали.

— Ты не расстраивайся. Этот Новый год ты будешь не один, а там, глядишь, и остальное наладится. Я верю в это! — с оптимизмом в голосе сказала я. Пусть хоть у кого-то будет всё хорошо. Тем более, если этот кто-то — мой дядя. Его и так жизнь не баловала, он, по-моему, заслужил счастье.

— Я тоже верю... — грустно и почти безнадежно сказал дядя Саша.

— А почему мы до сих пор ёлку не нарядили?! — воскликнула я. — До Нового года остались считанные часы!

— Ещё полдня, — успокоил дядя Саша.

Но я вскочила, и мы стали судорожно наряжать ёлку. Эге-гей, ведь он уже стучится в дверь — Новый-Новый год!

Дядя Саша всё же прекрасный кулинар — сам почти всё приготовил к столу. Вообще не понимаю, как от него могла жена уйти? И готовит, и машину водит, и ёлку наряжал, и разберёт её, я уверена, ещё до апреля. Идеальный мужчина!

Кроме того, дядя Саша был очень уважаемым человеком. Я в этом скоро убедилась.

Мы, как все порядочные граждане нашей страны, уселись за стол без сколько-то минут двенадцать. Включили телевизор. Послушали новогоднее обращение президента. Спели гимн... и тут началось! Дяди Сашин телефон просто разрывался от поздравлений, нам даже традиционный «Огонёк на Шаболовке» смотреть было некогда! Я подустала и сквозь дремоту слушала, как поздравляют моего дядю, и была почему-то очень счастлива. Вдруг раздался звонок в дверь. Дядя Саша открыл. Это были его друзья-телевизионщики.

— Да ты не один! — воскликнул один из них, увидев меня. — А мы-то думали, что ты зачух в одиночестве в новогоднюю ночь.

— Это моя племянница Марина, — представил меня дядя Саша. — Начинаящий, но уже подающий надежды блогер. Она и не даёт мне зачахнуть.

— Да неужели! — сказал один дяденька, очень высокий и очень полный. — Рад... очень рад! — пожал он мне руку. — Мы и не знали, что у тебя есть племянница!

— С Новым годом! — протянул мне руку другой.

— С Новым годом, барышня! — поздравил меня ещё один дядин друг в сером костюме и с мишурой на шее.

Мы ели, шутили, смеялись. В общем, всё, как полагается в весёлую новогоднюю ночь. Но вдруг я подумала: завтра это веселье кончится. Я уеду, а дядя Саша останется один. Он будет приходить в пустую квартиру каждый день, и на душе у него тоже будет пусто. Пусто и грустно... Как же мне хочется это исправить! Только что для этого нужно сделать?..

Вскоре гости разошлись. Дядя Саша вдруг загадочно сказал:

— Знаешь, мы за суетой и гостями кое о чём забыли. Тебе срочно нужно заглянуть под ёлку.

— Зачем? — почему-то недоумевала я, хотя, в принципе, в Новый год это обычное дело — заглянуть под ёлку.

— Ну... там... заглянуть, в общем, надо.

Под ёлкой была коробка в яркой упаковочной бумаге, а в коробке... О-о! Я отказывалась верить своим глазам! Профессиональный ноутбук!

— Спасибо! Это так здорово! Ты самый лучший дядя в мире! — воскликнула я и призналась: — Мне никогда не клали подарков под ёлку.

— Правда? Мне тоже... — ответил дядя Саша.

У него было детдомовское детство... Ему никто не клал подарки под ёлку, хотя, конечно, ему хотелось их там обнаружить, как всем детям под Новый год...

А мне тоже никогда под ёлку не клали подарков. Как-то было не до этого. Папа обычно к празднику деньги куда-то тратил, мама становилась раздражительной, цены повышались... В общем, подарки если и были, то постфактум, но не в Новый год и не под ёлкой.

Знаете, как обидно слушать своих одноклассников, когда они хвалятся новогодними подарками? У всех — подарки под ёлкой, салюты, бенгальские огни, конфетти. А у нас ничего не было. Мама говорила, что в той клетке, в которой мы живём, имея в виду нашу однокомнатную квартиру, праздник уже просто не помещается. Надо же, как сбываются мечты, пусть

и в практически зрелом возрасте! Подарок под ёлкой... Сколько я о нём грезил! Мне было бы приятно, даже если бы это была простая плитка шоколада, главное — под ёлкой и именно в новогоднюю ночь.

И тут у меня созрел план. План подарка для дяди Саши. Положить мой подарок под ёлку, правда, не получится, но это ничего.

— Знаешь что, — сказала я дяде Саше, — поехали к твоей жене.

— Зачем?

— Поздравить с Новым годом.

— Это невозможно.

— «Невозможно» — это когда человек на том свете, а пока мы живы — всё возможно!

Вот это философия! Сама от себя такого не ожидала. Но ведь правда: пока мы живы, можем всё, абсолютно всё уладить. Это потом будет поздно и невозможно. А сейчас...

Сейчас мы мчались по светящейся Москве и надеялись на чудо.

Не знаю: может быть, неприлично звонить в дверь посреди ночи? Но ведь эта ночь — не просто ночь, а новогодняя, значит, многое объясняет. И допускает!

Жена дяди Саши открыла так быстро, как будто ждала звонка и сидела у двери. Сначала, не заметив меня, она бросилась ему на шею. Я такое видела только в кино, и дядя мой, знаете ли, встал на колени, прощения просил... Вот, думаю, у этих творческих личностей всё по-киношному. В жизни я такого не видела. Да и представить не могу, чтобы мой папочка, например, на колени перед мамой встал...

— Сашка! А я так боялась, что ты не приедешь! — воскликнула она.

За могучей дяди Шашиной спиной она вдруг заметила и меня.

— С Новым годом! — невозмутимо весело сказала я.

— Настя, это моя племянница Марина. Помнишь, я рассказывал о своих родственниках.

— Ах, да... С Новым годом, Марина! — она обняла меня.

— Дети, наверное, спят? — тихо спросил дядя Саша, когда мы прошли дальше по коридору.

— Никто не спит! Папа! — из темноты дальней комнаты выбежали двое: мальчик лет шести и девочка помладше.

— Папа, мы как раз написали в письме Деду Морозу наше желание, чтобы он тебя нам вернул! — тискающая отца, говорили наперебой дети. — Надо же, Дед Мороз всё в точности исполнил! А Светка в детсаду говорила, что нет Деда Мороза.

— Конечно, есть, — сказал дядя Саша, обнимая своих малышей. — Только в этот раз он переадресовал ваше письмо Снегурочке, — и дядя Саша подмигнул мне.

Снегурочка. Здорово быть Снегурочкой! Я всегда мечтала вот так подкалывать в новогодние праздники, только меня не брали. Говорили, несовершеннолетняя. Ну, ничего. Дебютировала в роли Снегурочки для собственных родственников.

Радостные и счастливые, мы поехали все вместе домой к дяде Саше.

— Дядя Саша, ты такой замечательный, — сказала я ему по дороге. — А я даже без подарка. Прости меня, как-то нехорошо получилось... — всё же совесть мучила меня.

— Ну что ты! Благодаря тебе я получил сегодня самый лучший подарок! — отмахнулся он.

Мы ехали по ночной, впрочем, уже почти предутренней новогодней Москве. Она вся была похожа на сказку, на мечту. На ту самую новогоднюю мечту, которая, конечно, есть у каждого и которая обязательно должна сбыться.

У меня тоже есть мечта, и я надеюсь, что она сбудется. Мечта же не может вот так болтаться впустую туда-сюда, как бельё на верёвке во время ветреной погоды. Всё равно ведь должна когда-нибудь сбыться. Вопрос времени. Но я терпеливая. Я всё равно дождусь.

Я сейчас многого не понимаю. Часто слышу: повзрослеешь — поймёшь. А я чем старше становлюсь, тем меньше понимаю в жизни. Часто думаю и не нахожу ответа: почему так сложилось, я же ещё ничем не успела провиниться в этой жизни? Почему на меня столько всего свалилось? У других, конечно, бывает хуже. Вот, например, есть папы, которые заливают шары, как говорит моя мама. Раньше я не понимала, о каких шарах идёт речь, а теперь мне ясно, что это такой фразеологизм. То есть напиться до такой степени, что глаза (в данном контексте — те самые шары) уже ничего не видят от выпитого. Мой папа не такой. Пиво в выходной — мак-

симум, что он себе позволяет. Зато у него было другое. У него как будто пропал вкус к жизни. Как будто для него мир стал чёрно-белым. А почему? Когда это произошло? Когда мы с Женей перестали «агукать» и стали ходить, говорить? Ему, видимо, неинтересно со взрослыми детьми. Видимо, он не думал, что мы когда-нибудь вырастем. А это так неожиданно для него произошло. Да, наверное, так. Вот тогда мир стал для него чёрно-белым. И этого я не понимала. Становилась взрослее и не понимала.

Мамино окружение — дети в девяностые — с упоением слушало певца Юру Шатунова и группу «Ласковый май», а мама — Женю Белоусова. Своего избранника, то есть моего отца, она выбрала похожим на певца — тоже с шикарной шевелюрой. Правда, я этого уже не застала — папа быстро «облетел». Ну и сына, соответственно, назвала Женей. Мы жили четвером в однокомнатной квартире.

Однажды папа по-тихому мне признался, что ему всё надоело. Мне тоже, если честно. Мне надоело спать в непроветренной душной комнате, потому что малому нельзя простывать, да и вообще, когда четверо выдыхают CO₂ на шестнадцати квадратах, дышать сложно по-любому. Мне надоело делать уроки на кухне, пока никого нет дома, и перемещаться в комнату со всеми учебниками, тетрадями и ноутбуком, когда все пришли и им нужно трапезничать. Мне надоело засыпать при включённом телеке, потому что папе хочется посмотреть хоккей. Короче, есть много чего, что мне тоже смертельно надоело, но я же не превращаюсь в амёбу или инфузорию туфельку. Я надеюсь на лучшее. Просто живу, существую в той реальности, которая есть.

Когда у нас появился малой, мы все были счастливы. Папа часто катал его на шее. Маме казалось, что я смотрю на них ревнивым взглядом, она говорила мне:

— Папа тебя тоже катал, когда ты была маленькой, просто ты не помнишь.

Всё я помню. И потолок, до которого достать рукой, и дверной проём, под которым нагибаешь голову, а папа почти проползает на корточках, чтобы я не ушиблась. И боязнь свалиться. Ага! Потолок рядом, а пол-то далеко. В общем, всё я помню и абсолютно малому не за-

видую. Всему своё время. Время ездить на папиной шее и время вставать на собственные ноги. Оказалось, что для папы мы слишком неожиданно встали на ноги и начали ходить.

Мама укоряла папу, что за это время он ничего не сделал для расширения жилплощади. А он сказал, что это лучше, чем комната в коммуналке, где они начинали совместную жизнь. Ну да, но всё равно это же не повод для развода. Впрочем, с другой стороны, и не повод уходить в депрессию. Нужно было доказать, что он может, а он не смог. Предпочёл сползти, вместо того, чтобы подняться в полный рост. Не захотел никому ничего доказывать.

Наверное, в любом городе есть так называемые новые районы с современными высотками. В нашем — тоже. Мы жили в двухэтажке, и с нашего балкона открывался великолепный вид на такие высотки. Он и не давал маме покоя. Она часто выходила на балкон и мечтательно говорила:

— Вот и мы могли бы жить в человеческих условиях...

Это она так пыталась папу мотивировать. В общем-то, условия у нас были вполне человеческие, просто тесные.

Мама обвиняла, что папа не воспитывает детей. Нуда. Он всё время куда-то исчезал. То пиво пить с товарищами, то помогать кому-то с ремонтом, то составлял кому-то компанию для похода в лес. На нас времени почему-то не было. Пожалуй, катание на шее было последней игрой с нами. Когда мы ужинали, его взгляд, как у вечно виноватого, не поднимался от тарелки. Стыдно ему. И сам он понимает, что не может взять себя в руки.

Мы повзрослели, и папе с нами стало неинтересно. Но ведь надо было предполагать, что это произойдёт! Папа, ты ведь сам повзрослел, любой человек взрослеет. А он этого не ожидал. И то, что однушка однажды покажется всем тесной, тоже не ожидал. Мне его жаль. Он сам остался ребёнком. Уверена: он до сих пор думает: «Вот когда я вырасту...» А он уже вырос — неожиданно для себя. И мы выросли — неожиданно для него.

Дядя Саша был мне благодарен за то, что я помогла вернуть ему семью.

– У меня самого смелости бы не хватило к ним поехать, – признался он. – Иногда сложно делать самые простые вещи. Сложно просить прощения, сложно вообще о чём-то просить. Даже просто на что-то решиться сложно.

Чувство радости за их воссоединение внезапно перекрыли боль и обида. Мне вдруг стало нечем дышать. Я тоже хочу, чтобы у меня так было! Я тоже хочу, чтобы мы с родителями были вместе всегда!

– Я соврала. У нас всё плохо. Родители разводятся, – пулемётной очередью отстрочила я.

Дядя опечалился. Да, это, видимо, болезненная тема для него, даже если его лично не касается.

– А ты сама как думаешь, они воссоединятся? – спросил он, немного помолчав.

– Сложно сказать. Там на мировоззренческом уровне большое расхождение. У мамы и папы. Хочется верить в чудо, но в их возрасте изменить своё понимание этого мира и осознание себя в этом мире, пожалуй, почти нереально, – ответила я.

– А что за расхождения? – уточнил дядя Саша.

– Ну, мама считает папу инфантильным...

– Да, отчасти все мужчины такие, – согласился дядя Саша.

– Ну и вот на фоне своей инфантильности он не считает нужным больше заработать, расширить жилплощадь, например. В нашем воспитании участие принимать, говорить с нами, читать нотации и всё прочее воспитательное.

– Да уж, в принципе, это знакомо. Думаю, у многих семей такие же проблемы.

Дядя думал весь вечер, потом сказал:

– Мне пришла идея в голову. Мы сможем помочь тем родителям, которые решили разойтись. Будем спасать семьи! Я поговорю с друзьями на ТВ. У тебя будет своя программа. Назовём её «Услышь меня!». Будешь говорить с подростками об их проблемах с родителями. Но на самом деле для родителей это будет возможность услышать собственных детей, посмотреть на проблему их глазами. Знаешь, иногда родителям нужно сказать о том, что ты против их решения. Порой взрослые должны увидеть со стороны свою историю, чтобы её переосмыслить. Пустим передачу по выходным, чтобы дети и родители могли смотреть.

– Думаешь, они так сразу возьмут и образуются? – спросила я.

– По крайней мере, стоит попробовать. И вообще, у нас передач, где дети рассказывали бы о том, что их тревожит, почти нет. Такое ощущение, что дети права голоса не имеют.

– Ну давай попробуем, – нерешительно сказала я. – А где же я буду жить? Как же моя учёба? – задала я дурацкие вопросы.

Ха, у меня внутри всё трепетало от счастья, а вопросы были для проформы. Жить в столице! Это предел мечтаний для девчонки из провинциального городка. Мне до смерти надоели узкие улочки, кособокие дома и наша тесная однушка. Хочется ярких красок и небоскрёбов! И вообще, воздуха больше хочется! Я одно понимала: помимо жажды простора, ярких красок и прочего разного, есть ещё родители и братик. Вот кого я совершенно точно никогда не променяю на огни большого города. Но потушить-то в столице какое-то время можно! Зачем такой шанс упускать?

– Жить у меня, конечно, будешь, – ответил дядя. – У нас всё-таки четырёхкомнатная. Только Насте надо будет помогать с уборкой, она ужасно не любит пыли. Пока мы будем писать проект, искать деньги, собирать истории и героев, ты доучишься, а летом запустим и посмотрим, как пойдёт. Схема будет примерно такая, – он стал чертить проект будущей передачи на листе бумаги. – Сюжет о герое программы. Причина его проблемы. Ответ героя на вопросы: почему он хочет, чтобы с ним были его родители (отец или мать, или оба). Как он видит их семью, о чём мечтает? Чего хочет, зачем? Отдельно сделаем передачу о детдомовцах. Допустим, хочет ли ребёнок найти родителей? Почему? Каким он себя видит родителем? Всё пусть о себе рассказывают как есть.

Мы подумали над форматом программы. Сначала пришла мысль о модном ныне ток-шоу, но передумали. Конечно, так или иначе, ребята будут высказывать свои негативные эмоции, осуждать родителей за их поступки. Но наша задача не осудить, а помочь соединиться детям и родителям. Поэтому решили просто рассказывать о герое и его проблеме, а потом призывать к мудрому решению и давать рекомендации психолога.

В общем, неплохо придумано. Должно сработать. Уже сейчас мне самой захотелось крикнуть своим родителям: «Папа, услышь меня! Мама, услышь меня! Я хочу, чтобы мы были всегда вместе».

Я вернулась домой к родителям и брату. Там была такая же серая реальность, из какой я уезжала. В моё отсутствие в отношениях родителей ничего не изменилось. О своих планах работать на телевидении я объявила за ужином. Объявила сухо и безвкусно, как будто ничего скучнее в мире нет, чем вести подобную передачу:

— Дядя Саша предложил мне стать телеведущей.

— Ого! — воскликнула мама. — Интересно! Не зря ты к нему съездила, — пожалуй, впервые за последнее время в её глазах появился живой огонёк. Да, когда она стала много работать, в ней появилось что-то от робота, глаза гореть совсем перестали.

— Это будет передача для детей и родителей, — продолжала я.

— Тебя по телевизору будут показывать?! — восхищённо спросил Женька.

— Ну да, — скромно ответила я.

— И ты мне привет передашь из телевизора? — наивно спросил Женька.

— Малыш, это же не «Поле чудес»! Это другая программа, — я потрепала его по щеке. Какой он у меня славный!

— А о чём передача? — спросил папа.

У меня не повернулся язык сказать как есть. Просто вот отказал язык, и всё!

— О проблемах детей. В общем, проект пока в стадии разработки, — быстро закончила я.

— Ну, поздравляю, дочь! Уважаю тех, кто делает карьеру с юных лет, — сказала мама, с укоризной посмотрев на отца. Папа виновато смотрел в свою тарелку...

Я всё время думала о новой передаче. Представляла, как буду говорить на камеру. Попробовала даже себя заснять на телефон и посмотреть. Фу, нет, не нравлюсь себе! Внешность какая-то непрезентабельная. Может быть, профессиональная камера сотворит чудеса — превратит гадкого утёнка в прекрасного лебедя? Не знаю. Рисковать не буду — займусь собой. Буду готовить себя к роли телезвезды.

Прыщи на моей жирной коже, оказывается, выводятся смесью дрожжей с перекисью водорода. Прыщей у меня немного, но лучше их устранить. Ещё бегать начала по утрам, до уроков в школе. А ещё стала каждый день говорить скороговорки по десять минут, чтобы речь улучшить. В принципе, никто никогда мне не говорил, что у меня какие-то дефекты, но... всегда надо стремиться к лучшему. Здоровый перфекционизм никому ещё не мешал.

С января до весны дядя Саша мне регулярно звонил, интересовался, как дела, не передумала ли я, и сообщал о том, как идёт работа над проектом. Там же кучу всего надо: и сценарии продумать, и имидж ведущего, и оформление студии — в общем, много всякого.

Однажды он позвонил и сообщил, что моё присутствие в Москве необходимо уже в конце мая. Это значит, что надо было сдать досрочно все контрольные работы, ведь так просто не переведут в девятый класс. Вот это стоило мне умственного напряжения! Знаете, учить всегда сложно, особенно, когда мало места в доме. Приходилось просить у классной руководительницы разрешение оставаться в школе до вечера и учить уроки в классе. Директору мама написала заявление: нужно, мол, досрочно сдать переводные экзамены в связи с отъездом по семейным обстоятельствам. Мама у меня грамотная, хорошо пишет заявления и деловые письма. Ох, и есть мне хотелось, и прилечь тоже — это откровенно говорю — пока я торчала целый день в школе. Только негде было.

Сдала я наконец эти экзамены. Честно скажу, не с лучшим результатом, который мог бы быть, — я не смогла впихнуть в себя все необходимые знания в короткий срок. Но мама была довольна. Она сказала так:

— Всегда приходится чем-то жертвовать. Был бы девятый класс, выпускной, — другое дело, а так — восьмой переходной. Подумаешь!..

Ну что ж, пусть так, главное, чтобы мама не ругала.

На этот раз меня в Москве с электрички встречал дядя.

— Вот что, мы тут с продюсером подумали, тебе нужен соведущий. Ты согласна? — сказал он ещё в машине, пока вёз меня с вокзала домой.

– Ну почему бы нет, тем более что вы с продюсером уже всё решили, – ответила я, немного обидевшись. Если уже всё решено, чего спрашивать? Ставьте перед фактом, да и всё.

– Ты не обижайся. Нам это решение пришло в голову накануне твоего приезда, мы не успели даже обдумать как следует, – примирительно сказал дядя Саша.

– А есть у вас кандидатура?

– Пока нет. Но найдётся.

Действительно, соведущий нашёл совершенно неожиданно и в неожиданном месте.

Как-то вечером я отправилась побродить по центру Москвы, полюбоваться сердцем столицы. Тут красиво и шумно. Столько людей я уже давно не видела. У нас в городке тихо и малоллюдно. Причём тут много народу, как мне показалось, в любой день недели и в любое время суток.

Я прогуливалась по узкой улице с гирляндами ярких лампочек. Неожиданно у самого уха зарешетила словесная очередь:

– Девушка, попробуйте наш новый продукт. Тонкий и изысканный вкус – не пожалеете. Девушка!..

Это был какой-то парень, предлагавший продегустировать новый сорт сыра. Как же я не люблю, когда ко мне пристают! Дайте человеку погулять спокойно!

– Знаете, как называлась первая глава романа «Мастер и Маргарита»? – неожиданно для него ответила я. – «Никогда не разговаривайте с неизвестными». Читайте отечественных классиков, молодой человек, и не занимайтесь ерундой.

Обидно, когда нормальные с виду парни занимаются такой ерундой, вместо того чтобы пользу обществу приносить.

– Я читаю классиков! Я вообще отличник, чтоб вы знали! – крикнул он вдогонку.

Отличник, а чего тогда ерундой занимается?

Поздно вечером в метро было почти безлюдно. Весь народ, видимо, до дома уже добрался. Неожиданно ко мне кто-то подсел.

– Привет!

Я посмотрела на него и не ответила. Это был тот самый парень, рекламировавший сыр.

– Я ведь уже не неизвестный. Мы уже немного знакомы, – не отставал он.

– Да, и я вас знаю не с лучшей стороны, – ответила я.

Вообще, я не люблю этих пристававших, да и побаиваюсь. Мало ли каких придурков вот так заносит.

– Хорошо, простите. Я понял свою ошибку, – мирно ответил он и отсел.

Вот это да! Оказалось, что мы с ним ехали на одну станцию. Мы шли на выход из метро. В вестибюле он чуть-чуть отстал. Специально, конечно же. Эскалатор поднял нас к выходу. Тут он обогнал меня и придержал дверь. Джентльмен, ничего не скажешь.

– Спасибо, – ответила я на вежливый поступок. – Марина, – и протянула руку.

– Андрей, – ответил он на рукопожатие.

– Тебе куда идти? – спросила я.

– К парку.

– Мне чуть дальше, – сказала я, почувствовав, что, пожалуй, он безопасен. – Ты учишься?

– Да. Девятый заканчиваю. Скоро поступать, надо денег поднакопить, пока время есть. Вот устроился менеджером.

– Ах, это таким громким словом называется!

– Н-да... Надо созывать людей на дегустацию. Потом постараться сделать так, чтобы они купили продукт. Мне будет с этого процент.

– Удаётся?

– Не всегда. Заманухи людям надоели. Сейчас ведь по телефону звонят – что-то предлагают, по квартирам ходят – предлагают, на улице цепляют...

– А чего ты пошёл?

– График удобный, да и куда ещё школьника возьмут?

– В Москве больше нет вариантов?

– Не знаю... Не нашёл. У нас полкласса так работает.

– Слушай, а хочешь действительно стоящее дело? – вдруг спросила я. Вообще, я люблю так «вдруг» спрашивать. Не всегда это заканчивается хорошо для меня, поскольку иногда я спрашиваю «вдруг» ради прикола, а человек отвечает всерьёз.

– Какое дело?

– Хочешь быть телеведущим?

– Да ладно! Шутишь?

– Нет! Я с телевидения.

Парень остановился. Усмехнулся.

– Да ладно... – повторил он, но уже как-то растерянно.

— Я серьёзно. Мы сейчас ищем ведущего в программу. Точнее, соведущего, — тоном профессионала добавила я.

Да, было заметно, как Андрей изо всех сил не хотел верить своему счастью. Вот так запросто — раз! — и получить предложение вести телепередачу.

— Давай во дворе на лавочке присядем.

— Да у нас тут давно лавочек нет! Ты не местная?

Во как — раскусил по лавочкам! Никогда бы не подумала, что моё происхождение можно узнать по такому признаку.

— Ну не местная, дальше что?

— Не обижайся. У нас почти во всех дворах лавочек давно нет. Только на детских площадках, в парках, в скверах...

— Хорошо, пошли на детскую площадку.

Мы зашли на территорию недавно ушедшего от нас обоих детства. На площадке в вечерней тишине замерли качели, фигуры деревянных животных настороженно притаились, будто желая подслушать наш разговор. Мы сели на лавку и какое-то время молчали. Похоже, у нас с Андреем были одинаковые чувства. Мы ощутили себя здесь, на уже чужой для нас территории, немного не своими.

— В общем, — начала я, — мы тут проект готовим. У меня дядя — сценарист на телевидении. Я буду ведущей в программе, — сказала я и почувствовала, как невесть откуда взявшийся гордый тон окрасил моё повествование. — Нам нужен соведущий. Парень твоих лет как раз подойдёт... Тебе сколько лет?

— В январе исполнилось шестнадцать.

— Отлично! А мне в декабре будет пятнадцать. Люблю зимних людей! Они спокойные. Знает, точно сработаемся.

— А о чём передача? — спросил он.

— Ах да, самое главное — о чём, — спохватилась я. — Это о том... В общем, профилактика разводов... Мы хотим говорить с детьми об их родителях. Хотим, чтобы дети, у которых разошлись родители или которые выросли в детдомах, рассказывали свои истории и говорили... в общем, что нельзя так делать...

Что-то у меня совсем плохо с ораторскими способностями. Даже не могу объяснить, о чём моя программа.

Андрей задумался.

— А про тех, кто вообще без отца рос, будете рассказывать? — спросил он с какой-то странной надеждой в голосе.

— Будем. Будем рассматривать все варианты неполных семей.

— Я согласен! — с готовностью воскликнул он.

— Отлично! Проводи меня, пожалуйста, — попросила я. — Москва — большой город, мало ли кто встретится, а мне отсюда ещё две остановки топтать. Это я в своём городке могу хоть всю ночь проходить, а тут опасаясь.

— Провожу, конечно. Неужели думала, что оставлю? — удивившись, спросил Андрей.

Мы пошли, но уже молча. Он не спрашивал подробностей, а я думала о том, что у него, видимо, есть о чём рассказать в этой передаче, если он с такой готовностью в голосе согласился.

Мы встретились с Андреем на следующий день. Дядя Саша отвёз нас на телевидение знакомиться с продюсером и остальным штатом сотрудников. Кстати, в таком деле был необходим психолог. Психолога звали Вера. Милая девушка и суперпрофессиональная. Кажется, она знала выход из всех сложных семейных ситуаций. Её помощь нужна для поддержки ведущих: всё же темы передач болезненные, а мы ещё не совсем взрослые. К тому же дать совет, исходя из одного личного опыта, мы, конечно, не сможем, поэтому в нашей команде был ещё психолог. В её обязанности будет входить давать краткую справку — типа объяснения во время передачи, почему так случилось и что теперь можно сделать.

— Ребята, — наставлял нас продюсер, — здесь не нужен уровень Владимира Познера, поэтому не бойтесь показаться непрофессиональными. Это не значит, что вы можете путать текст или ставить неправильно ударения в словах. Косноязычие допустимо, но в незначительных количествах. Главное, вы должны держаться естественно и каждая история должна как бы от вас самих рассказываться. Люди ждут от вас искренности, и это такая программа, где должно быть видно ваше нутро.

Моему лицу, почти избавленному от прыщей, всё равно понадобился лёгкий грим, — чтобы кожа не блестела, не «бликала», то есть не было бликов. В общем, один только грим —

целая наука, а уж обо всём остальном на телевидении я вообще молчу. Студия у нас небольшая. Наверное, как наша квартира. Ну да, не ток-шоу, поэтому можно и поменьше помещение. И ещё было очень жарко. И душно. Окон ведь нет, отовсюду лампы светят, тут и тепловой удар, пожалуй, можно было получить. Но мы мужественно старались сосредоточиться на теме передачи, и у нас почти получалось не думать о собственном дискомфорте.

Итак, правильно говорить с телеэкрана в наше время не столь важно. Важно говорить на языке зрителей: просто, доступно и главное — откровенно. По-свойски. Нормы из «Словаря ударений для работников радио и телевидения» ушли в прошлое. Сейчас важно то, что внутри. Это как раз по мне. Мне говорить правильно и красиво очень сложно. Причём пишу я сносно. Сочинений и изложений на четыре ни разу ещё не было. Только пятёрки. Но говорить не могу. Мне советовали просто больше говорить, чтобы разговориться. У меня дядя, кстати, тоже не оратор. Вся наша родня, видимо, далека от предков Цицерона.

— Зачем мне говорить, я же пишу, — с улыбкой ответил дядя. — Мне красиво говорить обязательно. Главное для меня — уметь красиво написать.

Ну вот, а мне всё же говорить пришлось. Тут по ходу знакомства с Андреем выяснилась такая штука. Оказалось, что он рос без отца и кто его отец — не знает. Андрей не видел его даже на фотографии, даже представления не имел. Мама ему рассказывала, что его отец был актёром театра, что был талантливый, — и, собственно, всё. Немного, чтобы хоть что-то понять.

— Можно в первой передаче я расскажу свою историю? — спросил Андрей продюсера.

— Да, это будет то, что нужно, — обрадовался тот. — Так зрители увидят в тебе своего парня и будут проще.

Не могу сказать, что мне было страшно или что-то меня сковывало, когда мы записывали передачу. Знаете, в голове всегда щёлкает, что это не прямой эфир, если что — перезапишем или вырежем где надо. Поэтому на удивление всё было так, как будто я с самого рождения только и делала, что выступала перед камерой.

В первой передаче мы разьясняли телезрите-

лям идею проекта, говорили о семейных ценностях, о том, как это здорово — заботиться о других. И на таком фоне шла история Андрея.

Я не решилась рассказать свою историю. Ведь формально родители вместе, так чего же жаловаться на жизнь? А вот Андрей — молодец. Всё вылил как есть!

— Я рос без отца. Так получилось. Вернее, как так получилось, я до сих пор не могу понять. Мы зачастую не можем расстаться со старым любимым свитером, даже если его поела моль, но с ребёнком расстаться готовы. Почему?.. Мне очень не хватало отца. Когда ребята из класса ходили с отцами по выходным в походы, ездили на рыбалку, мне до ужаса хотелось того же. Вы только вспомните себя маленьким рядом с папой: большой сильный человек держит в своей огромной ладони вашу руку — руку пятилетнего мальчика... Сажает вас на велосипед, учит крутить педали. Вы растёте, вот вам уже двенадцать. Отец учит вас насаживать наживку на крючок, объясняет, что такое грузило, поплавков, учит вовремя вытягивать удочку из воды. На ночь он обнимает вас, и вы тянетесь к его слегка заросшей щеке... Вот оно счастье — почему вы не делитесь этим счастьем с вашим ребёнком?

Да, Андрюха — молодец. Я даже заплакала. Тема не совсем моя, я же девчонка, но всё — верняк самый настоящий. Точно в цель. Он даже текст не писал. Всё лилось у него гладенько прямо на камеру.

Дядя Саша сказал о программе «как пойдёт», а пошло очень хорошо. Программу смотрели, невзирая на каникулы. На нас даже пожаловались: никто не хотел ехать в детские лагеря. Там же режим и телек просто так не посмотришь. Вот и снизился процент отдыхающих: все сидели по домам и смотрели нашу передачу.

Записывали мы в течение недели, а на выходные я приезжала домой. Собственно, выходных у меня не было. Женя был у бабушки. Я ехала к бабушке, чтобы повидать их обоих, потом — к родителям. Так проходили суббота с воскресеньем: день у бабушки, день с родителями. В их отношениях друг к другу ничего не изменилось. Просить смотреть мою передачу я стеснялась. Полностью они видели только первый выпуск, где Андрей рассказывал свою историю.

Да там и речь шла в основном о таких заблудших отцах, а не о проблеме развода. Вот они посмотрели, порадовались за меня, за себя, естественно, тоже. Как же не радоваться: они теперь родители телезнаменитости! Родителям всегда будет приятно, если ты станешь человеком, — порой даже приятнее, чем тебе самому. Им и на работе говорили: видели, мол, вашу дочку. Какая умница и всё такое. Эх, знали бы, ради кого я на это согласилась. Ради них.

Я всё равно планировала набраться смелости и поговорить с родителями. Призову на помощь все свои ораторские способности, которым меня научили для подготовки передач. Я посоветовалась с нашим психологом. Она сразу сказала:

— Не жди, что резко что-то изменится. Запомни два закона, которые работают безотказно уже несколько тысяч лет. Закон первый: нет пророка в своём отечестве. То есть если ты с мудрыми речами придёшь к родителям и даже если они осознают, что ты права, сразу они в этом не признаются. Даже несмотря на то, что полстраны начнёт жить по твоим советам. Взрослым вообще сложно признавать свои ошибки, особенно если им о них пусть деликатно говорят дети. Закон второй: сапожник всегда без сапог. Если благодаря тебе родители других детей воссоединились и зажили в мире, совсем не обязательно, что то же ждёт и тебя. Человек отдающий не всегда получает обратно. Только ты должна решить: будешь помогать несмотря ни на что или всё же работать по принципу «баш на баш».

Конечно, несмотря ни на что. Если у меня такая судьба, это не значит, что не надо пытаться помочь другим. Быть счастливым чужим счастьем, как сказал мой продюсер. Умный дядька! Только это сложно, конечно. Надо много сил душевных. Надо постоянно думать о том, что ты сделала позитивного для других, а как уж у тебя самой сложится — неважно.

Нам стали присылать по электронке письма. Писали дети и подростки. Иногда даже взрослые. Не предполагала, что так откровенно ребята будут делиться с незнакомым человеком, то есть с нами, своими переживаниями по поводу проблем с родителями. Но они писали, потому что теперь у них появились лю-

ди, с которыми можно поделиться своим горем, которые поймут и черкнут в ответ пару утешительных строк.

Однажды мне написал десятилетний мальчик. Он писал о том, что подрался с одноклассником из-за спора о Деде Морозе. Он не верил в его существование, потому что с пяти лет, то есть всю сознательную жизнь, загадывал на Новый год только одно желание: чтобы у него появился папа. Когда ему исполнилось десять лет и в очередной раз его мечта не сбылась, он перестал верить в Деда Мороза. А его однокласснику родители каждый год от имени Деда Мороза дарили всё, что тот просил у него в письмах: машинки, паровозики и прочую чушь. Поэтому он в Деда Мороза верил. Конечно, папу в упаковку не засунешь и в валенок над камином не посадишь. Это точно Деду Морозу не под силу. Так я мальчику и ответила. И написала, что, может быть, ему так и придётся вырасти без папы, но у него есть прекрасная возможность стать самому отличным папой для своих детей, когда они у него появятся.

«Мне всегда хотелось, чтобы у меня был папа. Даже не умея писать, я писала письма маме каракулями и сама эти каракули читала. Там, в каракулях, я требовала папу. Кажется, что для меня не было бы большего счастья, чем появление в моей жизни отца», — написала однажды девочка.

Как же мне хотелось крикнуть: «Взрослые, вы хоть раз пытались заглянуть в душу собственным детям? Вы хоть знаете, что у них внутри творится? Взрослые! Вы же наша опора, зачем же вы срубаετε подпорки, на которых мы сидим? Мы ведь без вас утонем!..»

После очередной записи программы мы вышли из телецентра и пошли к метро.

— Андрюша, сынок! — к нам быстрым шагом подошёл незнакомый мужчина.

Он протянул к Андрею руки, но почему-то тут же отдернул их. Я присмотрелась к нему. Если его побрить, подстричь, убрать красноватый налёт с лица, какой обычно бывает у людей, злоупотребляющих алкоголем, и омолодить, выйдет вылитый Андрей.

— Я... твой заблудший отец, — заглядывая в глаза остолбеневшему Андрею, говорил муж-

чина. — Станислав Петрович Ефимов... Ты стал таким молодцом и красавцем! Тебе вроде бы уже... лет восемнадцать...

— Шестнадцать, — тихо ответил Андрей.

— Да-да, так и есть. Ты просто очень взросло выглядишь... Как ты по телевизору сказал: «Дети без родителей взрослеют раньше». Как точно всё!

— Давайте вернёмся в павильон. Там есть кафе. Поговорим спокойно, — предложила я.

— Да-да, давайте, — быстро согласился Станислав Петрович.

Мы прошли в кафе. Благо, никого не было. Без свидетелей лучше такие вот встречи. Я купила шесть пирожков и села за стол.

— Я... понимаешь, Андрюша... я актёр... творческая личность. Приехал в Москву с Урала... в те ещё годы... знаешь... Меня так хвалили педагоги! Без лишней скромности говорю. Хвалили! Я поступил в театральное сразу, с первой попытки. Ты вот, смотрю, тоже по моим стопам... ну почти по моим, — рассказывал папа.

«Надеюсь, в семейной жизни по вашим стопам он не пойдёт», — подумалось мне.

Андрей слушал молча.

— Потом, знаешь, как-то всё закружилось. Вся жизнь закружилась... Жизнь, она вообще штука сложная, — вдруг назидательным тоном сказал он. — Тебе ведь, кроме меня, этого никто не скажет. А я в самый важный жизненный момент встретился, можно сказать. Когда тебе нужно принимать много важных решений... Так вот знай, сынок, жизнь — штука сложная.

Андрей, молчавший всё это время, вдруг резко ответил:

— Знаю. Дети без родителей рано становятся взрослыми.

Станислав Петрович вдруг поник, съёжился.

— Ты не вини меня... Я тебя искал, искал, честное слово. Не мог найти. Тебя, оказывается, мама на свою фамилию записала...

— И отчество мне досталось от дедушки, — добавил Андрей.

— Так вот же, видишь...

— А маму ты тоже не мог найти? — спросил Андрей. Нет, не спросил, потребовал ответа.

— Я... я... искал... просто жизнь...

— ...штука сложная. Я понял, — совсем недружелюбно ответил Андрей.

Мне почему-то стало жаль этого заблудшего отца, прибитого словами своего сына. Я не решалась что-то сказать. Правильнее было бы, наверное, вообще уйти, но я почему-то не ушла. За время работы с Андреем у нас как-то само собой всё стало общим: и печали, и радости. И теперь в этот радостно-печальный момент мне даже в голову не пришло оставить их наедине.

Андрей сейчас как-то внезапно прямо на глазах повзрослел. Даже постарел, хотя странно применять к нему это слово. Он всю жизнь мечтал о встрече с отцом и сейчас, похоже, уже пожалел о своей мечте. Просто он увидел не такого человека, каким представлял отца. Он думал, что это будет статный, чуть вальяжный в манерах мужчина с ароматом дорогой туалетной воды. А оказалось, побитый той самой жизнью, замусоленный мужичонка, от которого доносится запах спиртного.

Хорошо мне. Я застала своего отца уже несколько «потёртым». Мне привычно на него смотреть. И другого не надо.

А вот Андрюша... Конечно, хотел увидеть сильного, уверенного в себе — в общем, идеал мужчины, идеал отца, пусть и заблудшего. Андрей был разочарован этой встречей. Это чувствовалось. Он не смог принять своего отца таким, какой он есть.

— Андрюша, ты меня не вини, тем более что я ничего у тебя не прошу, — заговорил папа.

— А я прошу... всегда просил, чтобы у меня был отец, — Андрей резко встал и быстро, почти бегом, удалился.

Ушёл он в сторону туалета. Всё понятно: будет плакать. Любой бы заплакал на его месте: хоть парень, хоть девчонка. Как тут не заплачешь?

— Станислав Петрович, понимаете, у него психологическая травма. Она у всех, кто рос без отца или без матери, или без обоих. Простите его, он не виноват. Он и так сделал в своей жизни достаточно. Работает, как видите, со школьной скамьи. У него очень красивая мама...

— Да, я помню. Красавица! — воскликнул Станислав Петрович.

— И вот именно поэтому он не хочет, чтобы на её лице появились морщины раньше времени. Поэтому учился и работал, помогал по дому. Потому что любит её...

– Да я тоже любил! – воскликнул Станислав Петрович в испуге. – Просто... жизнь – штука сложная!..

Да, похоже, эта жизнь так ему насолила, что справиться с ней он не смог. Что ж, бывает.

– Вы оставьте свой телефон, – попросила я. – Если Андрею станет легче... понимаете, морально легче, он вам позвонит. А если нет, не обессудьте. И простите...

– Да-да, сейчас, – он пошарил в карманах, достал замусоленный листок в клеточку, черкнул свой телефон и даже какой-то адрес.

– Где вы живёте? – спросила я.

– В коммуналке. У нас там комната... снимаем на троих. Недорого получается.

– А где вы работаете? – не отставала я.

– Да я... подрабатываю...

Спросила я потому, что мне стало интересно, на какие деньги у него мобильник куплен и как он его содержит. Тут меня осенило посмотреть на номер. Он был стационарный, а не мобильный. Всё ясно. Коммуналка, телефон один на всех. Недорого получается...

– А вы не хотите вернуться в профессию? – спросила я, как будто было в моих силах дать ему работу в театре.

– Я? – спросил он так, как будто речь шла не о нём вовсе. – Да я, понимаете, не в той форме. Уже тексты в большом количестве не выучу. Моей памяти только на «кушать подано!» и хватит, – улыбнулся он жалкой улыбкой.

– Понятно. Ну что ж, будем прощаться. Простите, если что-то было не так с моей стороны или со стороны Андрея. Понимаете, эта встреча была слишком неожиданной для него...

– Да-да, конечно, и вы простите.

Я знала, что будет дальше, поэтому поспешила отвернуться и отойти, чтобы его не смущать. Так и есть: в отражении стеклянной двери я увидела, как Станислав Петрович быстрыми движениями сгрёб несъеденные пирожки и торопливо вышел из кафе.

Я постучала в дверь туалета:

– Андрей, он ушёл. Выходи.

Андрей открыл дверь. Лицо было по-прежнему взрослым. А может, он и раньше таким был, просто я не заметила сразу? Он подрабатывал с восьмого класса. Конечно, повзрослел ещё тогда или даже раньше.

Мы ехали домой молча. Я знала, что он заговорит, когда успокоится. Шли к той самой детской площадке не договариваясь, – просто без слов поняли, что нам надо именно туда.

– Я был не готов к этой встрече, – сказал Андрей, когда мы сели на скамейку. – Мечта в своём воплощении застала меня неожиданно, – горько усмехнувшись, сказал он. – Мечтать опасно. Вот так сбудется, а потом не будешь знать, что делать. Мне мама рассказывала, что он был актёром. Я искал его по всем театрам, смотрел все составы трупп во всех театрах города. Я устроился на эту работу, чтобы людей вот так на улицах останавливать, чтобы его найти, а вовсе не потому, что в Москве больше заработать негде. Я листовки раздавал, чтобы его среди прохожих встретить. Москва такая большая, я в разных районах работал, я даже к бомжам подходил и спрашивал, как их зовут, думал, ну мало ли встречу вот так...

– Мне его жаль, он заблудился на дорогах жизни.

– А я даже не знаю, жаль мне его или нет. Почему должно быть жаль? Каждый человек сам куёт свою жизненную подкову.

– Да, но жизнь штука сложная...

– Ерунда! Если нет воли, стержня, обвинять можно кого угодно: и жизнь, и плохую погоду, и будильник, который вовремя не сработал.

Да, он повзрослел сейчас, сиюминутно. Я когда-то выращивала цветы. Помню, посадила отросток в землю, он вроде не рос, а потом однажды незаметно для глаза так вымахал, просто за ночь! Конечно, он прибавлял понемногу в росте: клетки-то делятся в обычном режиме. Просто я этого не замечала. Так и Андрей. В нём эта взрослость копилась, копилась и «выстрелила» однажды. Сегодня. Два часа назад.

– Марина, – сказал он после паузы, – мне кажется, я немного сломался, что ли. Меня эта встреча надломил. Мы занимались тем, что уговаривали родителей вернуться к своим детям. А надо ли это? Надо ли это самим детям, надо ли это взрослым? Жили и жили своей жизнью. Пусть живут дальше! Зачем мы в это влезли?

Понятно, надлом, как и предупреждала психолог Вера. Пустота, неуверенность в необхо-

димости своего дела. Она говорила, осознание этого может когда-то прийти. Пришло очень быстро. Через полтора месяца.

Мне очень не хотелось, чтобы дело поехало по швам. У меня была мотивация, которая сломит любые преграды. И зачем закрывать проект, который приносит реальный рейтинг, а значит, помогает людям?

— Андрей, — говорила я ему, — во-первых, люди писали нам добровольно, добровольно делились проблемами, добровольно становились нашими героями. Если ты задумался над тем, надо ли это, я отвечу: надо, иначе рейтинг не был бы таким высоким. Это не накрутка, а реальные показатели. Во-вторых, мы никого не уговаривали, мы просто просили родителей взглянуть на ситуацию глазами их ребёнка...

— Я понимаю, — в голосе Андрея звучало сомнение, — но ведь в их судьбах это для чего-то случилось? Зачем-то же эти разлуки были нужны?

— Да по дури и эгоизму! — неожиданно для себя вскричала я. — Семья должна быть полной! Дети должны расти в любви! Ссор быть не должно! Не должно быть разлук!

Теперь, похоже, сломалась я. Я уткнулась лицом в колени, накрыла голову руками и разрыдалась. Сейчас, когда вроде что-то начало получаться, когда чужие успехи вселили в меня надежду на то, что и в моей жизни не всё потеряно, — сейчас он решил отступить? Он решил убедить меня в напрасности наших трудов? Ну нет! Не выйдет! У меня-то как раз есть и стержень, и воля, и я не отступлю!

— Марина, прости! Я не хотел... Я не хотел тебя обидеть...

Он попытался меня обнять, а я оттолкнула — переживу без его помощи.

— Меня не надо провожать, — сказала я, резко встав со скамейки.

— Как скажешь, — мирно ответил он.

Конечно, он не позволит, чтобы девушка шла ночью одна. Так и шёл за мной, отставая шагов на тридцать, ненавязчиво, но я чувствовала, что он идёт за мной. Настоящий джентльмен! Нечего сказать. У своего дома я внезапно обернулась. Он не успел спрятаться даже за рядом стоящее дерево. Так и есть: он. Мой ангел-хранитель.

Мы встретились на следующий день в телецентре. Оба сделали вид, что ничего такого не произошло: никто не передумал, всё осталось по-прежнему.

— Я всё маме рассказал, — сказал Андрей после работы. — Она сказала, что осуждать родителей нельзя. Да и вообще, если человек оступился, нельзя осуждать, если не можешь помочь или предотвратить его падение... Но я и не осуждаю, я просто задаю вопрос. Просто спрашиваю: почему? Почему он так поступил?

— Он оставил номер своего телефона, — сказала я. — Только это... не его личный. Это телефон коммуналки.

Андрей быстро взглянул на меня и отвёл глаза в сторону. Он вроде бы даже стыдился того, что я знаю, какой у него отец.

— Андрей, всё нормально. Я никого не сужу. И ты не виноват, что так вышло, тебя ведь не спрашивали. Моё отношение к тебе не изменится, поверь.

Что я несу? И главное: зачем? Моё-то отношение, может, и не изменится, зато Андрей себя теперь всегда будет чувствовать ущемленным. Родился без отца, да ещё и оказалось, что отец у него такой, которым не похвалишься. Это девчонке было бы наплевать, а парень, конечно, всё острее воспринимает. Ему нужен пример, образец для подражания, а его нет, получается. Вот это его теперь будет грызть. Может быть, всю жизнь.

— Хочешь, съездим к нему вместе? — предложила я.

— А смысл?

— Попросишь у него прощения...

— Я? За что? — возмутился Андрей.

— Хорошо, не надо просить прощения, просто поговори.

— О чём?

— Понимаешь, — говорила я, — тебе просто кажется, что ты сможешь дальше так же жить, а на самом деле так жить будет сложно. Ты его должен простить. Каждый человек сам отвечает за свои ошибки...

— Последствия этих ошибок потом сказываются на других, — несколько отстранённо ответил Андрей.

— Слушай, ну чем ты недоволен? Мама-красавица жива-здоровая. Ты умный, заботливый

парень, не урод, не инвалид — тебя что, чем-то жизнь обделила?

— Конечно! У меня не было самого главного — отца.

— У тебя есть самое главное — твоя жизнь. Вот и живи так, чтобы тебе не было стыдно за свои поступки и на других последствия твоих ошибок не сказывались, — я начинала злиться. Мне казалось, что всё очень просто, а он этого не понимает. — Мы съездим к твоему отцу. Ты скажешь ему одно слово «прости», и мы уедем и никогда с ним видеться не будем. Но сейчас тебе нужно снять этот груз с души, чтобы жить дальше. Жить легко и свободно.

Андрей задумался. Всё-таки мужчины такие гордецы! Как же им сложно просить прощения! Как сложно осознать свою неправоту! Как сложно преклонить голову перед заблудшим родителем!

— И вот ещё что: обязательно назови его «папой». Так и скажи: «Папа, прости».

— Ещё чего?! Может, и реверанс сделать? И до земли поклониться? Спасибо, мол, что ты меня бросил! Спасибо за гордое звание «безотцовщины», которое я ношу всю жизнь! Спасибо за статус неполной семьи! — это был уже крутой кипяток, а не Андрей.

Да, моё наставление было лишним. Он почти согласился. Кто меня за язык тянул? Впрочем, я сказала то, что считала нужным сказать.

— Понимаешь, есть на свете такие слова, которые ты можешь сказать только определённому человеку. Больше никому и никогда. Ты никого больше «отцом» назвать не сможешь, понимаешь. Если ты не сделаешь это сейчас, то не сделаешь это уже никогда. Подумай, что ты теряешь. Помнишь, как у Лермонтова: «Я никому не мог сказать священных слов «отец» и «мать»? Там человек сокрушался, что сказать эти слова было некому, а у тебя — есть, не отказывай себе в этом.

Он помолчал с минуту.

— Ладно, давай. Куда ехать?

Мы приехали к многоэтажке непрезентабельного вида. Подошли ко второму подъезду. Жуткий двор! Очень мрачный. Даже не верится, что в доме такого жуткого двора живёт не-

когда востребованный столичный актёр. Да, жизнь — штука сложная, это точно.

Мы поднялись на девятый этаж. Подъезд пропах сигаретным дымом. Такое чувство, что здесь каждый миллиметр пропитан табаком. Фу, какой смрадный запах! Никогда мне не нравились курящие — ни мужчины, ни женщины!

Андрей не мешкая позвонил в дверь. Казалось, ему хотелось побыстрее со всем разделаться. Дверь открыл небритый мужчина средних лет в застиранной майке и трико с классическими пузырями на коленях.

— Здравствуйте! Можно Станислава Петровича? — Андрей решительно наступал.

— Можно. Заходите. Стасик! — он постучал в ближайшую к выходу дверь. — Выходи! Гости к тебе.

— Я вчера полтинник вернул! Кого опять принёс... — Станислав Петрович, увидев нас, остановился на полуслове. — Ребята, дорогие, проходите!

Он смущённо заулыбался и пригласил нас в свою комнату.

— Карпыч, выйди на время, — попросил он сидевшего у окна мужчину.

— Здравствуйте! — поздоровались мы с Карпычем.

Карпыч был одет в ту же «униформу»: застиранную майку и трико с классическими пузырями. Только Станислав Петрович немного отличался: вместо майки на нём была несвежая клетчатая рубашка с оторванными пуговицами.

Карпыч приветственно кивнул нам и вышел.

Комната была небольшой. В ней стояли почти вплоты друг к другу три кровати, у окна — стол, на котором был разный хлам: тарелка с видимо скисшим помидорно-огуречным салатом, пепельница, полная окурков, огрызок яблока. В углу у входной двери стоял маленький телевизор. В комнате господствовал устойчивый запах копчёной рыбы. А вот и она — под газетой на столе. Шкафов в комнате не было, одежда висела на стенных крючках. От сигаретно-рыбного запаха в комнате было душно, несмотря на открытое окно. Даже скособоченные дома в моём захолустном городе были намного симпатичнее, чем эта комната в столице.

— Ребята, присаживайтесь, — засуетился Ста-

нислав Петрович. Он достал из-под стола электрический чайник, открыл крышку и налил воды из банки. Мы присели на одну из кроватей, которая была ближе к столу. Конечно, ни одна из них не была заправлена, а постельное бельё, цвет которого уже давно нельзя было определить, валялось комом.

— Вы не смотрите, что не прибрано. Мы гостей не ждали, но, — тут он демонстративно повернулся к нам, подняв вверх указательный палец, — это не значит, что мы вам не рады.

«Мы» — видимо, вся коммуналка. То есть все эти сожители как бы одна семья.

— Сейчас-сейчас, — суетился он. — Вы думаете, у меня чистой посуды нет? Есть!

И он полез — куда бы вы думали? — под подушку. Там, завёрнутые в какой-то мешок, лежали две чашки и чайные ложки. Потом я поняла, что это был не мешок, а изношенное махровое полотенце.

— Сейчас-сейчас, — продолжал он приговаривать, разгребая завалы на столе.

— Я сам не люблю беспорядок, просто гостей не ждали... — оправдывался он.

Взял с подоконника упаковку крекера, горсть грецких орехов и каких-то дешёвых леденцов. Разлил по чашкам чай и присел напротив.

— Ну вот, чем богаты, так сказать. Андрюша, ты ешь, вот грецкие орехи. Они жирненькие, для питания мозга...

У меня подкатил к горлу ком. Эта запоздалая заботливость была беспощадно трогательной. Мне хотелось плакать. Но я только откашлялась и отхлебнула чай. Терпкий вкус табака, похоже, пропитал и заварку. Или это чашки пахли? Андрей пил чай не моргнув глазом, заедая ядрами грецких орехов. «Во парень! Во выдержка!» — думала я.

— К нам тут нечасто гости приходят, — продолжал Станислав Петрович, — поэтому для нас это радостно всегда. Особенно такие гости! А! Чего же это я... — и он, соскочив с кровати, выбежал в коридор.

— Карпыч, — крикнул он, — Вениамин Витальевич, Мартюша, Иван Сергеич, выходите! Выходите — с гостями познакомлю.

Мы с Андреем переглянулись. То есть сейчас вся эта коммунальная семья будет с нами знакомиться?

— Вот проходите, — все вышеперечисленные вошли в комнату. — Это вот Андрей, сын мой, — Станислав Петрович указал на Андрея. — Он известный телеведущий. Классный парень! Человеком стал! Видите! — гордо заявил он своим сожителям, как будто то, что тот стал известным телеведущим, было его заслугой. — А это Марина, тоже телеведущая, очень хороший человек! Прямо человечище! Таких сейчас нет среди нашей молодёжи.

Все сожители нам поклонились, пожали руки.

— Ну, всё-всё, теперь дайте чаю попить спокойно, — толкая их в спины, проговорил Станислав Петрович, будто не сам позвал их, а они напросились зайти. Вышли, и Станислав Петрович закрыл за ними дверь.

— Это вот соседи мои, мы живём как семья, все вместе. Помогаем друг другу...

Андрей опустил глаза.

— Мы, наверно, пойдём, — вдруг сказал он.

— Как? Так быстро? За столько лет... вот так, на пять минут... — огорчённо сказал Станислав Петрович.

— Я только за одним пришёл, — сказал Андрей. — Я... хочу прощения попросить, — тихо сказал он.

— Прощения... — повторил Станислав Петрович дрожащими губами.

— Прости меня... папа, — сказал Андрей. — Папа, — повторил он. Казалось, и крикнуть это хотел, ведь на самом деле он всю жизнь хотел сказать это слово, но было некому. Вот сейчас, похоже, почувствовал, какое это слово. Сейчас наконец-то за столько лет он узнал, что у этого слова есть цвет, есть запах, есть вкус.

— Сынок, я в долгу перед тобой, — он стал опускаться на колени перед Андреем.

— Да ты что! Встань сейчас же! — крикнул тот, придержав отца.

— В долгу, сынок! Ты о матери заботишься, сам человеком стал! А это я!.. — Станислав Петрович ударил себя кулаком в грудь. — Я должен был сделать!

— Папа, не расстраивайся. Что было, то было. Хочешь, приходи к нам жить, — тепло попросил Андрей.

— Я не смогу. Как вот это... — он указал на комнату. — Как оставлю?

Надо полагать, он имел в виду, что с тепе-

решней жизнью он расстаться не может. Видимо, так.

— Ладно, спасибо вам обоим, — Станислав Петрович обнял нас. — Вы молодцы, ребята! Не правы те, кто думает, что наша молодёжь бессердечная. Нет! Есть у страны будущее, вы у неё есть... — как-то по-актёрски сказал он, будто говорил фразу из пьесы. — Вы приходите, как время будет. Я теперь всегда буду вас ждать. Теперь мне есть кого ждать, — сказал он напоследок.

Мы снова ехали молча. Снова, не договариваясь, как обычно, прошли на детскую площадку.

— Да, ты была права, — сказал наконец Андрей. — «Папа» — такое слово, которым я никого больше не назову, и я рад, что наконец это сделал. Теперь можно жить спокойно. Знаешь, как будто здесь, — он погладил себя по груди, — отпустило что-то, что мешало дышать. Спасибо тебе. Ты была права, — повторил он.

С тех пор, как мы были у Станислава Петровича, прошло около двух недель. Однажды после очередной записи программы мы выходили из телецентра.

— Андрей! — к нам подошёл Карпыч. Тот самый, из коммуналки. — Тут такое дело... Ах да, здравствуйте! — поздоровался он со мной, приподняв козырёк кепки. — Тут в общем... у папани был сердечный приступ. Умер он, в общем.

— Когда? — воскликнул Андрей.

— Да сегодня четвёртый день. Мы похоронили уже. Там пока поминки, пока туда-сюда, в общем, только до тебя добрался.

Понятно, пили все эти дни, поэтому вовремя не сообщили.

— Вот тут папани твой просил передать, если с ним что случится, — он достал из-за пазухи две цветные фотографии. На одной был Андрей ещё в детском саду. На другой — он же первоклашка на первом звонке с букетом цветов для первой учительницы.

— Это вот... — сентиментально сказал Карпыч, тыча в фотографию. — Это вот он на фотоаппарат... В общем, просунул объектив между решёткой ограждения в детском саду, чтобы тебя сфотографировать. А вот эта... — он показал на фото Андрея-первоклассника. — Он тогда за деревьями у школы прятался, когда тебя мамка в

первый класс привела. Показывал нам всегда, говорил: «Вот, мол, сын растёт». А потом... это... ему, — он шёлкнул себя по шее, — деньги понадобились, и продал он фотик, больше не фотографировал. Но вот эти вот, — он потряс в воздухе фотографиями, — он всей коммуналке показывал! Гордился! Ты на папанию не обижайся, он тоже просил, чтобы ты не обижался. Вот его адрес... фу ты! Место на кладбище, — Карпыч протянул замусоленную бумажку с уже знакомым мне миксом из запахов копчёной рыбы и сигарет.

Андрей взял фотографии, бумажку и, будто отрёшнённый, побрёл от нас, сам не понимая куда.

— Марина, — заискивающе произнёс Карпыч.

А-а, кажется, понятно. Денег будет просить.

— Мы того... похоронили папанию, поминки сделали на три дня, а ещё же девять дней полагается...

— Держите, — я протянула ему тысячу. — Только не тратьте всё на выпивку, пожалуйста.

— Ни-ни, ни-ни! — задрезжал Карпыч. — Вот правду говорил Петрович, ты — че-ло-ве-чи-ще!

Я оставила Карпыча и побежала за Андреем. Он шёл пошатываясь и наконец опустился прямо на бордюр.

— Андрюша, я вызову такси, и поедем домой.

Он молчал. Я вызвала такси и попросила водителя усадить в машину Андрея. Он по-прежнему молчал, и ноги его будто онемели.

— Остановите здесь, — вдруг попросил Андрей, когда мы поравнялись с дворами, где была та самая детская площадка, на которую мы обычно заходили.

— Как пожелаете, — ответил таксист.

Мы вышли из машины и направились на площадку.

— Понимаешь, — сказал Андрей, как обычно, после долгого молчания, — он фотографировал меня... Он фотки эти хранил... Почему он не пришёл ко мне?

Эх, да примерно потому же, почему мой собирается уходить!

— Бояться они, — ответила я. — Семейных уз, потери свободы... В семье ведь уже ты не сам по себе, ты за всех отвечаешь, обо всех заботишься, а с этим не каждый может справиться.

Он покачал головой:

— Не понимаю. Почему он не пришёл?

Вот тут мне стало страшно за Андрея. Похоже, он начал двигаться по фазе. У него шок, это понятно. Но я не предполагала, что знакомство с отцом настолько повлияет на него.

– Почему он не пришёл? – повторил он.

Я поняла, что одна не справлюсь.

– Андрей, я позвоню сейчас дяде, вы с ним всё обсудите.

Лучшего варианта я не нашла. Пусть поговорят как мужчина с мужчиной. Ну почти как отец и сын. Я позвонила дяде и попросила нас забрать с площадки. Дядя приехал, увёз нас к себе домой.

Потом они долго говорили в комнате. Не знаю о чём, но, видимо, о чём-то мужском. Говорили тихо и спокойно. Они оба спокойные: и Андрей, и дядя Саша. Нравятся мне такие люди. Потом вышли из комнаты. Андрей уже был повеселевшим. Ну и хорошо! А то так можно крикнуться раньше времени, если всё настолько близко к сердцу принимать.

– Спасибо, Александр Михалыч! – Андрей пожал дяде руку, а тот в ответ его обнял.

– Андрюша, ты не стесняйся, будут проблемы или вопросы – говори. Со мной можно всё обсуждать.

Да, это точно. Он такой классный, мой дядя! Жаль, что мы не общались столько лет. Может быть, и у нас в семье всё было бы сейчас по-другому.

Андрей пошёл домой.

– Тебе его удалось успокоить? – спросила я.

– Мы просто по душам поговорили. Мне это всё понятно. Я вообще без родителей рос. Всегда мучился вопросами: а кто они были? Какие они были? Почему так произошло? Почему меня к себе не взяли родственники?

О, да! Это прям камень в огород моих бабушки с дедушкой. Они же и были самыми близкими родственниками. Я задавала маме этот вопрос, та ответила, что её родители сами часто болели и не решились брать на себя ответственность за ещё одного ребёнка. Видимо, моя мама не стремилась с ним общаться именно по этой причине: ей было неловко, что его не взяли к себе в семью. Она чувствовала за собой вину. Правда, они иногда брали его на выходные. Но ведь это так мало для ребёнка! Ну да, дед мой рано умер, я его даже не застала. А

у бабушки до сих пор часто давление скачет, постоянно скорую вызывать приходится. Наверное, решили перестраховаться. А всё-таки это тоскливо жить в детдоме. Я вот тоже, когда туда вместе с классом попала, как посмотрела на этих малышей, сразу маму с папой вспомнила. Что бы там между нами ни было, как бы меня ни раздражали их, как мне кажется, глупые действия, всё равно спасибо им огромное, что не сдали меня в детдом.

Вот поэтому я его понимаю. Когда тебя оставляет самый близкий человек, когда ты ему почему-то оказываешься ненужным, тогда рана внутри, появившись однажды, никуда не исчезает. Эти вопросы: почему? зачем? так и будут тебя преследовать всю жизнь, даже если ты на них найдёшь ответ.

У моего дяди трагичная история. Его отдали в детский дом совсем маленьким. Его мама, родная сестра моего деда, очень рано умерла от какой-то неизлечимой болезни, а отец пропал – типа как у Андрея. Может, он его тоже фоткал когда-то или по телеку до сих пор смотрит, а найти стесняется. Если уже так репутация подмочена, всегда неловко, правда ведь?

Однажды дядя Саша сказал мне такую вещь:

– По статистике, только десять процентов детдомовцев готовы к социализации и созданию семей. Ужас в том, что есть дети из полных семей, которые тоже не могут создать свою семью.

И я задумалась. Вот я выросла в полной семье. Не с алкоголиками. Не с драчунами. С нормальными адекватными родителями. Но я не уверена, хочу ли я создать свою семью. Вот будет у меня такой же слабохарактерный муж, которого я буду «пилить», потому что у нас нет квартиры и доход не тот. И детей нам суд разделит или оставит мне, а папу они будут видеть по выходным. А потом у них тоже всё так же сложится. Сына будет «пилить» моя сноха, а дочь станет «пилить» моего зятя. И дети будут обделены вниманием родителей, пока мама «пилит» папу, а папа рефлексировать на тему того, почему он так быстро вырос и на него свалилась такая куча неожиданных проблем.

– Знаешь, дядя Саша, ты для меня герой. Вот, несмотря ни на что, ты получил профес-

сию, стал уважаемым человеком. Семьёй обзавёлся, нас вот даже на путь истинный наставляешь...

— Да героизма тут особого нет. Мне просто хотелось уйти от той беспроблемной серой реальности, которая меня окружала. Некоторые уходят в «буль-буль», — он щёлкнул себя по щеке, совсем как Карпыч, — а я решил уйти туда, где можно самому эту реальность создавать для себя и для других. И жить можно в том мире, который ты для себя придумал, даже если оказываешься там всего на несколько часов рабочего дня. Поэтому я и выбрал телевидение. А вас, как ты говоришь, на путь истинный наставляю, потому что не хочу, чтобы вы пропадали. Вот есть хорошие люди, но какой-то винтик в них раз и перестал работать. Надо сразу чинить, чтобы этот хороший человек жил дальше и нёс людям свет.

Серию программ мы решили посвятить детдомовцам. Понятное дело, желающих брать подростков почти нет. Всем ведь малышкой подавай. А подросткам куда деваться? Им, думаете, мама с папой не нужны? Это просто взрослые опять не хотят брать на себя ответственность. Тут ведь человек практически сложился, уже со своим характером. Зачастую ломать нужно, а ломать никто не хочет. Это сложнее, чем воспитать.

Конечно, малышкой мы не трогали, а вот с подростками поговорили. И оказалось, среди них немало толковых ребят. Многие даже так, знаете ли, образно и грамотно могут говорить. Вы бы видели, сколько надежды было в их глазах, когда они рассказывали о себе. Наверное, каждый надеялся, что его жизнь после передачи изменится. А между прочим, не напрасно. Правда, не в таком объёме, в котором я ожидала, и не с таким результатом. Ну, например, одного парня забрала родная мать — только одного из шести, о которых мы рассказали. Ещё двоим просто нашлись родители, не кровные, как говорят специалисты в этой области. Приёмные. Просто посмотрели передачу и решили забрать таких хороших. И вот представьте, эти ребята ещё попросили подождать этих приёмных родителей. Да, думали, что всё же их родные родители найдутся... Так и сказали: подождите немного, вдруг

наши настоящие папа с мамой нас найдут. Только они это сказали заведующей детдомом, чтобы тем, приёмным родителям, не обидно было. А заведующая стала говорить приёмным, что, мол, давайте немного период привыкания продлим, типа дайте им и себе время подумать — нужны ли вы друг другу. Но те, приёмные родители, не передумали и взяли этих ребят, а настоящие так по сей день и не объявились. Мы сделали три передачи о ребятах из детдома, и в каждой было по две истории. Просто они были небанальные и у каждого героя — своя. Ну вот, троих, значит, мы определили, а остальные трое ждут и надеются на лучшее.

Я решила поговорить с дядей о случившемся. Конечно, он и так многое знал. Просто сейчас я поняла, что в деле спасения чьих-то семей мы подошли к определённой точке. Дальше надо менять вектор или нашу жизнь.

Он долго молчал и как-то виновато глядел куда-то вниз, вроде на свои тапочки, как будто давно их не видел. Потом тяжело вздохнул.

— Мы на вас взвалили непосильную задачу, не по возрасту. Мы вас заставили решать взрослые проблемы. А вы не должны были их решать. У вас должны быть школа, дискотеки, ОГЭ, ЕГЭ и первая любовь. Вот что должно быть в вашем возрасте...

— Да нет, ты нас не понял! Мы справились с задачей. Просто был момент слома, психолог Вера об этом предупреждала. Это норма...

— Не норма. Не норма — решать задачи за взрослых. Будем закрывать проект.

— Только не это! В проекте вся моя жизнь, и будущая в том числе! — вскричала я.

— В смысле? — не понял дядя.

— Я не могу всё так бросить. Это мой мотиватор, моё спасение. Я накоплю за год денег, и мы купим двушку с балконом. Будет просторнее. Проблемы решатся.

Дядя как-то грустно посмотрел на меня.

— Очень наивно, да? По-детски? — спросила я.

— Очень мило, по-детски, — ответил он. — Иногда действительно проблемы решаются вот так просто. Так было у меня. Жена уехала, потому что надоело, что меня нет дома. А потом вернулась, потому что я дал слово бывать дома

чаще... Может быть, и у твоих родителей всё наладится, когда появится двушка... Слушай, а почему мы до сих пор не поговорили с твоими предками?

Хороший вопрос. Ну, мама ответила, что ей не о чем говорить с дядей Сашей. Не потому, что она испытывает к нему неприязнь, а просто они, как она сказала, по разные стороны экрана — ну и нет, мол, ничего общего. Но ведь это-то я дяде не скажу!

— В общем, давай-ка съездим к твоим родителям. А то, понимаешь, решаем чужие проблемы, спасаем чужие семьи. О своей-то когда позаботимся?

Всё-таки он самый классный! Вот я бы так не решилась. А он просто встал со стула, сказал: «Поехали!» — и мы поехали к нам домой.

Мама и дядя долго говорили на кухне — часов шесть. Смеялись время от времени, видимо, вспоминали детство. Я уже начала сомневаться, выполнял ли дядя Саша свою миссию по примирению моих родителей. Разве можно говорить о серьёзном и всё время при этом смеяться? Впрочем, у дяди Саши, видимо, именно такое решение проблем.

Потом мама поговорила со мной.

— Мне действительно надоели и теснота, и отсутствие комфорта. Папа очень инертен. И мне сложно с этим смириться. Почему он никогда ни в чём не проявит инициативу? Мне захотелось доказать, что и я не пустое место, и без него могу вполне обойтись. Мы оба не подумали, что это тебя так ранит.

— И брата тоже, — добавила я.

— Да. Вокруг столько неполных семей, что к этому можно было бы уже привыкнуть. Тем более что с одним родителем лучше, чем совсем без никого, сиротой.

Интересная философия! А если я не хочу с одним, если я не считаю, что это норма, если я люблю обоих и хочу, чтобы они были рядом?

— Мы поговорили с дядей Сашей. Сейчас проблема мне уже кажется надуманной. Я постараюсь вдохнуть в папу жизнь, чтобы его тоже хоть что-то в мире интересовало.

Август почти закончился. Я ехала в электричке домой и репетировала то, что обязательно

но скажу родителям. Мне всегда было сложно говорить с ними откровенно. Мужества надолго не хватало — начинала плакать. Я научилась говорить на камеру — наверное, теперь должно получиться поговорить с родителями. Я поняла, что могу заработать. Мы купим двушку, это же просто — можно обменять нашу однушку с доплатой. Да, двушку с застеклённой лоджией. Папа сможет оборудовать там себе кабинет для рефлексии. Для покупки в нашем городке я заработаю за год. Только пусть не расстанутся. Пусть снова распишутся. Пусть не расходятся и не бросают нас. Папа обязательно воспрянет духом, всё будет хорошо. У каждого будет комната. Будет просторнее. Папа поверит в себя. Жаль, когда пропадает хороший человек. А он хороший! Он не бьёт маму и не обижает нас. Просто он в глубокой депрессии.

Это лето пролетело как... как всегда, нам дали длинный список по литературе. Хорошо, что больше половины я уже давно прочла. Ещё с шестого по седьмой класс. Я тогда много болела. Пока лежала дома, читала книжки. А теперь оказалось, что больше половины из прочитанного мной тогда идут у нас по программе сейчас.

Мы отсняли достаточное количество программ. Хватит почти до осенних каникул. А потом я вновь приеду в Москву, и мы решим, что делать дальше. Письма ко мне на почту приходят всё так же. Я по-прежнему на них отвечаю. Стараюсь утешить. Вроде иногда получается. Во всяком случае, потом приходят в ответ благодарности. Я уже сама пишу сценарии программ. И, кстати сказать, уже не реагирую так болезненно, как раньше, на те письма с откровенными рассказами, которые ко мне приходят. Просто дала команду своей психике: не злиться, не раздражаться, не психовать. Научилась принимать чужую ситуацию как она есть. Конечно, это не значит, что я не сопереживаю. Просто это уже не так бурно, как было поначалу. Мне психолог Вера так и сказала: будь сдержанней в эмоциях, иначе от тебя ничего не останется. И вот у меня пока получается.

Да и семью я всё-таки решила создать. Просто буду учить детей поступать правильно. И

мудро. Главное, мудро! Во всяком случае, стоит попробовать. В конце концов, препятствия встречаются в нашей жизни для того, чтобы их преодолевать. Вообще, я решила стать школьным учителем. Скорее всего, пойду на филфак. Буду с помощью бессмертных произведений литературы учить детей поступать мудро и по-доброму. Конечно, охват аудитории у телепередачи, без сомнения, больше. Ни один учитель за всю жизнь не выучил столько детей, сколько может вразумить телеведущий за одну передачу. Ну или не вразумить, а во всяком случае воздействовать на психику, чтобы задумались. Но я подумала, что с каждым ребёнком будет непосредственный контакт, а не через телевизор. Это во-первых. А во-вторых, ведь в передаче мы пытаемся исправить ошибки, а я хочу учить эти ошибки вообще не совершать. Юношеский максимализм? Возможно. Но, не попробовав, я не могу утверждать, что это не работает. Значит, не имею права опускать руки и разочаровываться в жизни.

У родителей, думаю, тоже скоро всё наладится. Просто, знаете, у взрослых есть свои игры. Это им кажется, что играют только дети, на самом деле взрослые тоже играют, просто они называют это по-другому: выяснять отношения, строить отношения или ломать отношения. На самом деле это сюжетно-ролевые

игры. Только им тоже бывает сложно разобраться, когда пора остановиться и вернуться в реальность. Им надо помогать. Иногда надо подсказывать, как они нам нужны... Как мы друг другу нужны... Что вполне можно обойтись без ссор... Что надо друг друга чуть-чуть потерпеть и помочь исправиться. Мы-то теперь знаем, как это сделать. Правда?

□

Ирина Николаевна ГОНЧАРОВА

*окончила филологический факультет
Смоленского государственного университета.*

Педагог. Пишет прозу.

*Публиковалась в журналах и альманахах «Ковчег»,
«Православная радуга», «Божий мир» и др.,
а также в сборниках «Бочонок мёда для души» («АСТ», 2018),
«Уроки памяти» («Дрофа», 2018).*

*Победитель VIII Международного литературного конкурса,
посвящённого памяти писателя К. Симонова (2018);
финалист конкурсов «До первой звезды» (2018)
и «Герои Великой Победы» (2017).*

Живёт в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

